

В. К. Рыков

О реорганизации Смоленского ополчения в 1812 г.

I.

Прежде чем говорить о реорганизации, следует сказать о некоторых особенностях организации первого ополчения Отечественной войны 1812 г.

О переходе войск Наполеона через Неман в Главной квартире 1-й Западной армии стало известно лишь на следующий день. Поздно вечером 13 июня, во время бала, который давал на своей загородной даче под Вильно генерал Беннигсен, доложили об этом Государю. Попытка с помощью мини стра полиции генерала Балашова склонить Наполеона к переговорам не удалась. Под напором вдвое превосходящих сил “двунадесяти языков” русские войска были вынуждены отступать.

В соответствии с известным планом Фуля обе русские Западные армии отходили на Дриссу. Туда же направился и Александр I.

Уже 16 июня в Вильно прибыл сам Наполеон. Русским войскам срочно требовались подкрепления. Рекрутская система исключала возможность быстрого от мобилизации резервов. Единственной надеждой, как и встарь, было спешное создание “ополчения от земли”. 27 июня Государь писал Барклаю де Толли о своем решении “издать Манифест, чтобы при дальней шем вторжении неприятелей воззвать народ к истреблению их всеми возмож ными средствами”¹. 6 июля такой Манифест был подписан. В нем, в частности, говорилось: “...Для первоначального составления предназна чаемых сил предо ставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты Отечества людей, выбирая из среды самих себя на чальника над оными”.

Но задолго до Манифеста мысль Царя была предугадана Смоленским дворянством. Еще в середине июня командир действующего на Смоленщине отряда армейских партизан, генерал Винценгероде, “сделал вызов охотников из смолян”. Первыми откликнулись шесть помещиков семьи Лесли во главе с отставным генерал-майором Дмитрием Егоровичем Лесли. Вместе со своими сыновьями Александром, Петром, Григорием, Егором и дочерью

Варварой, в замужестве Энгельгардт, с одобрения губернского предводителя дворянства премьер-майора Сергея Ивановича Лесли он сформировал из своих крепостных конный отряд в 97 сабель при двух пехотинцах. К этому отряду присоединил своих 11 конников помещик Смоленского уезда отставной генерал-майор Евгений Иванович Оленин. Он же принял и общее командование. Потом конница Оленина перешла в 4-й кав. корпус Сиверса, в составе которого действовала до конца войны.

Сам же зачинатель первого ополчения 1812 г. генерал Лесли сражался при Бородине, отличился в бою за Утицкий курган, за что удостоился ордена св. Анны на шею с алмазами. Был в делах при Тарутине, Малоярославце, под Вязьмой и Красным. Затем, в 1813 г. — при осаде Модлина и Данцига. И в 1814 г. окончательно вышел в отставку.

Был среди инициаторов Смоленского ополчения и небогатый помещик действительный статский советник Павел Николаевич Ефимович. 29 июня он обратился с письмом в Смоленскую депутатскую дворянскую комиссию, в котором, в частности, писал: “При настоящих положениях... представляется уже необходимым покровительство годными людьми к службе, приличной одеждой и на некоторое время провиантом. Посему из всего имущества моего десяти ревизских дворовых людей, ...жертвую одним способнейшим к службе, как, собственно, и собою, для блага отечественного по назначению почтеннейшего дворянского сословия”ⁱⁱⁱ.

Для решения вопросов об устройстве ополчения предводитель созвал дворянское собрание. Лишь один робкий голос прозвучал наивным диссонансом всеобщему воодушевлению: “Как давать людей, когда теперь самый сенокос”, — попытался высказать сомнение Прохор Булатов. Но было не до сенокосов. Дворянство единодушно постановило испросить на формирование ополчения Высочайшее соизволение.

5 июля, как раз накануне подписания Царского Манифеста, С. И. Лесли обратился на Высочайшее имя с соответствующим рапортом. Рапорт был немедленно отправлен в Дриссу, и 9 июля последовало ожидаемое Высочайшее повеление: “Смоленское дворянство через предводителя своего премьер-майора и кавалера Лесли изъявило Нам усердное желание свое приготовить немедленно к

временному вооружению против неприятеля до двадцати тысяч или более ратников в подкрепление находящихся здесь войск и в защиту губернии. Приемля таковое предложение за знак верности и любви к Нам и к Отечеству всегда отличавшегося ревностью к службе Смоленского дворянства, изъявляем Мы оному особенное наше благоволение в полной уверенности, что все сие в скором времени приведется в исполнение и что в снабжении ратников оружием употреблено будет всякое старание и деятельность”ⁱⁱⁱ.

В тот же день, по пути из Дриссы в Москву, Александр I посетил Смоленск и в присутствии губернского предводителя собственноручно начертал и вручил гражданскому губернатору барону Ашу известную записку о вооружении и обучении ополченцев. Был также в Смоленске получен и Манифест от 6 июля.

16 июля на дворянском собрании избирались отставные офицеры и чиновники на командные должности уже почти сформированного ополчения. Начальником, наделенным правами командира корпуса, был заочно избран находившийся пока в Петербурге тайный советник Василий Васильевич Энгельгардт. Командовать уездными ополчениями, именуемыми тысячами, избирались тысячные начальники, пользующиеся правами командиров полков, а также пятисотенные, сотенные и пятидесятные начальники. Кстати, среди пятидесятих начальников Рославльской тысячи был избран двоюродный брат моего прапрадеда, потомок смоленских шляхтичей, отставной лейб-гвардеец Преображенского полка Иван Степанов сын Рыков.

К 19 июля в Смоленске и Дорогобуже, назначенных пунктами сбора, сосредоточилось 10379 ополченцев, и с каждым днем число ратников в обоих пунктах продолжало увеличиваться.

20 июля по 1-й Западной армии, Главная квартира которой теперь находилась во дворе Мощинки, состоялся приказ № 67, гласящий: “По Высочайшему повелению объявляется армии: Из рвения к защите Отечества Дворянство губерний — Московской постановило вооружение восьмидесяти¹ тысяч человек. Смоленской, двадцати тысяч. Калужской, двадцати трех тысяч конных и пеших. Из прочих

¹ Фактически число ратников Московского ополчения было втрое меньше.

губерний ежечасно ожидается уведомление. Из сего вооружения составляется резервная Армия под названием МОСКОВСКАЯ СИЛА

»iv
...

Здесь следует вспомнить, что к тому времени, 18 июля, состоялся еще один Высочайший Манифест, определивший порядок формирования ополчений и зачисления ратников, вопросы финансирования и обеспечения губернских сил. Всего предписывалось сформировать ополчения в 16 центральных губерниях России, разделенных на три округа. В Первый округ вошли западные губернии, Второй, специально созданный для защиты столицы, включал лишь две губернии (Петербургскую и Новгородскую); Третий, резервный округ, составили приволжские губернии.

Все губернские ополчения организационно подразделялись на дивизии и полки. Исключением явились Петербургское ополчение, состоящее из дружин, и к моменту выхода Манифеста *уже сформированное* Смоленское ополчение с его тысячами и пятисотнями. В ожидании неприятеля Смоленские ополченцы строили укрепления, несли разведывательную службу, истребляли мелкие отряды французских мародеров.

Неприятель, между тем, все ближе подбирался к Смоленску. 2 августа после жаркого двухдневного боя, где отличился отряд генерала Оленина, был сдан Красный. До Смоленска оставалось менее двух переходов.

II.

Первое боевое крещение Смоленские ратники приняли в сражении за родной город. Ожесточенные схватки продолжались без перерыва с 4 до вечера 5 августа. Поляки корпуса Понятовского, убежденные, что Смоленск —исконно польский город, отчаянно карабкались на крепостные стены, ломались в ворота, бросались на валы. Рядом с регулярными русскими частями ополченцы дрались, по образному выражению Ф. Н. Глинки, “как львы”. Город пылал. Потери с обеих сторон были огромны. Наконец, оставив под стенами крепости до 20 тысяч убитых, противник отошел. Ополченцы выстояли.

Однако они все еще оставались без начальника. Тайный советник Энгельгардт до сих пор не прибыл из Петербурга. И на следующий день, 6 августа, губернский предводитель дворянства обратился со срочным письмом к рославльскому дворянину отставному

генерал-лейтенанту Николаю Петровичу *Лебедеву*, предлагая ему принять начальство над ополчением. 10 августа письмо вручили адресату. Назначение состоялось.

Будущий боевой генерал, как велось в те времена, с 6 лет был записан капралом в Рославльский драгунский шквудрон (служивали, к слову, в том шквудроне и Рыковы). В 1768 г. восемнадцатилетним прапорщиком Лебедев был ранен в сражении с польскими конфедератами. В двух войнах бился с турками, секунд-майором покорял горцев. Сражался под Анапой, стал Георгиевским кавалером и подполковником. В чине полковника в Персидском походе брал Дербент. Через год — генерал-майор Лебедев комендант крепости Оренбург. В 1799 г. генерал-лейтенантом отражал набеги киргиз-кайсацких орд. Был комендантом Тобольским и военным губернатором Иркутска. Выйдя в 1807 г. в отставку, поселился в своем имении. А когда началось формирование Смоленского ополчения, из своих крестьян собрал егерскую роту. И вот теперь по праву возглавил все Смоленское ополчение.

В тот же день, 6 августа, русские оставили Смоленск. И тут ополченцы понадобились всем и сразу.

10 августа от князя Багратиона поступило приказание ополчению к вечеру 11 августа сосредоточиться в Дорогобуже. Тогда же было приказано принять и отконвоировать пленных в Вязьму. 11-го, когда ополченцы стягивались к Дорогобужу, генералу Лебедеву передали письмо графа Сиверса о подчинении ополчения ему. Одновременно генерал Неверовский сообщил, что по приказанию Багратиона Смоленское ополчение прикомандировано к его 27-й пех. дивизии. Тогда же ратники Ельнинской тысячи были отправлены, и надолго, конвоировать партии пленных в Казань, Вологду и Оренбург.

13 августа французы заняли Дорогобуж. Ополчению приказали идти в Вязьму. Оттуда, чтобы не занимать дорог — в Сычевку. А новый Главнокомандующий князь Кутузов распорядился ополчению спешно двигаться, также проселками, на Можайск. Здесь временный комендант Можайска генерал-майор Левицкий часть ратников отправил сопровождать раненых и охранять провиантские транспорты. Остальные ополченцы распределялись по корпусам, «где они будут все те должности отправлять, которые отвлекают строевых людей от полков».

Тут же, у Можайска, Смоленское ополчение, вдоволь уже понюхавшее пороху, встретилось с Московским ополчением. Тут же, под Можайском, на Священном Бородинском поле обоим ополчениям предстояло не только строить военно-инженерные сооружения, но и явить чудеса храбрости в знаменитом Бородинском сражении.

В укреплении Бородинской позиции, главным образом батарей^v, участвовали до 7 000 ратников Смоленского ополчения^{vi}. Когда 24 августа завязался бой за Шевардинский редут, работавших здесь ополченцев вместе со строительными рабочими отвели к деревне Семеновской, где они соорудили Семеновские флеши. На следующий день, осмотрев линию флешей, Кутузов распорядился для скорейшего завершения работ прислать сюда новую партию ратников. По свидетельству капитана Липранди, руководившего строительством укреплений в центре Бородинской позиции, сюда дополнительно прибыло 800 ополченцев.

Участвовали ратники в возведении укреплений и на правом фланге позиции. Барклай де Толли в своих воспоминаниях отмечал: «Я предписал приготовление к построению редута на высоте при деревне Горки; 2 000 человек ополчения на сие были употреблены»^{vii}.

Так что на Бородинском поле, кроме обелиска ополченцам на *левом* фланге, возле железнодорожной станции, по праву могли бы быть воздвигнуты памятные знаки и в Семеновской, и в Горках.

Известно, что ополченцы на батареях занимались не только инженерными работами. В решающие моменты Бородинской битвы многие из них смело выбегали вперед и под огнем вытаскивали раненых чуть ли не из рук врага. Сам Светлейший не раз хвалил ополченцев за героизм. Многие из них сложили головы. Был при Бородине ранен и генерал Лебедев, однако остался в строю^{viii}.

Когда в ночь на 25 августа под Утицей был поставлен в засаду корпус Тучкова, к нему были присоединены большая часть Московского ополчения и 3000 ратников-смолян. Корпус должен был активно «действовать по Старой Смоленской дороге на правый фланг и тыл французов тотчас же, как они начнут атаковать и будут пытаться обойти наш левый фланг»^{ix}. Решение Кутузова включить ополченцев в ударную группу Тучкова безусловно служит еще одним убедительным свидетельством высокой оценки полководцем боевых качеств и

патриотического духа ратников.

31 августа генерал Лебедев получил приказание главнокомандующего идти со всем ополчением к деревне *Сетунь*, что на большой дороге близ Москвы. Оборонительный период сражения с Великой армией завершился.

III.

В ночь на 2 сентября русские оставили Москву. Совершив свой знаменитый марш-маневр, войска вместе с Московским и Смоленским ополченцами сосредоточились близ Тарутино.

К этому времени полки губернских ополчений 1-го округа, выступив из своих губерний, заняли позиции вокруг Москвы. Незакрытым для французов оставался лишь узкий выход на разоренную Старую Смоленскую дорогу. Войска Кутузова к началу октября завершили подготовку к генеральному наступлению.

Узнав о поражении Мюрата под Тарутино, 7 октября Наполеон покинул разоренную непокорившуюся Москву и двинулся на юго-запад по Старой Калужской дороге. Наперерез французам рано утром 12 октября к Малоярославцу поспел корпус Дохтурова. Здесь уже находились Смоленские ополченцы, строившие укрепления. Вот что по этому поводу записано в послужном списке^х уже упомянутого пятидесятилетнего начальника Рославльской тысячи Рыкова: “Был откомандирован при строении батарей в команде генерал-майора Ивашова, от которого об усердной и ревностной службе имеет Аттестат”. Вспомним, что инженер-генерал-майор П. Н. Ивашов, начальник инженеров соединенных Западных армий, руководил в ту пору инженерными работами в районе Тарутино. В его распоряжении находились пять пионерных рот и по 500 ратников из ополчений.

В сражении под Малоярославцем участвовали 7000 Смоленских ополченцев. Особенно отличились Бельские ратники. Вооруженные лишь пиками, топорами и тесаками, они храбро отражали атаки врага. Здесь же действовали Московское, Тульское и “самостийно” организованное казаками Донское ополчение.

Высокие боевые качества ополченцев признал даже маршал Бессьер. Советуя Наполеону отступать на Можайск, по Старой Смоленской дороге, он сказал: “Мы только что убедились в недостаточности наших сил. А с каким неприятелем нам приходится бороться? Разве не видели мы поля последней битвы, не заметили того

неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?»^{xi}

15 октября Наполеон повернул на Можайск. Началось генеральное наступление Русской армии, сочетавшееся с “малой войной” народных сил.

Вяземская тысяча действовала в составе авангарда армии от Тарути до самой Вязьмы. После данного здесь сражения, 23 октября Кутузов направил вяземцев к Ельне, чтобы преградить французам пути на юг. Затем они, как и остальные уездные тысячи, несли полицейскую службу в своем уезде, использовались при госпиталях, конвоировали пленных, вылавливали мелкие группы мародеров, собирали брошенное оружие.

Юхновская тысяча, прикомандированная к пионерным частям, строила дороги и укрытия и дошла до самого Смоленска.

Рославльское ополчение, пройдя от Тарутина до Вязьмы с отрядом генерала Ивашова, в начале ноября вернулось в свой уезд. Часть ратников ушла в Красный помогать нести гарнизонную и полицейскую службу. Дорогобужцы охраняли обозы. Духовчане лихо сражались в отряде атамана Платова.

Известны случаи использования Смоленского ополчения для умирения крестьянских возмущений, вызванных разрухой, а также подстрекательствами французов. Подобные эксцессы отмечались в Дорогобужском, Бельском и Ельнинском уездах. Основанием для использования ратников в таких случаях служило, в частности, письмо дежурного генерала при Кутузове Коновницына от 8 ноября, адресованное генералу Лебедеву: “Для устройства ПОЛИЦИИ, необходимой для водворения благо устройства Смоленской губернии, покорнейше прошу Ваше превосходительство по требованию г. губернатора Каверина наряжать к нему нужную команду из вверенного Вам ополчения...”^{xii}

Печальное зрелище явил вернувшимся смолянам родной край, сквозь который огнем и мечом дважды прошли обе огромные армии. Кутузов, как князь Смоленский, немало приложил усилий, помогая разорившимся. Среди них оказался и тот самый престарелый помещик П. Н. Ефимович. Поставив из своих скромных десяти душ воина, предложив к служению и себя, и показав, таким образом, пример другим, с приближением врага он направился в далекий Симбирск. В

пути от лишений погибла дочь. А вернувшись в разоренное родное гнездо, отец лишился и последней дочери. После долгих просьб и ходатайств все же патриоту выделили из казны 3000 руб.

10 декабря прозвучали исторические слова Кутузова: “Война закончена за полным истреблением неприятеля”. Впереди предстоял еще поход в Европу и взятие Парижа. Но Смоленское ополчение (также, как Московское, Тверское и Владимирское) в этом участия не принимало.

В конце 1812 г. от великих ратных трудов и лишений тяжело заболел генерал Лебедев. Лечиться он выехал в Калугу. Там, как раз на Рождество, славный ветеран и отдал Богу душу, так и не успев получить свой последний орден св. Владимира 2-й ст. за *Бородино*. Похоронили героя на калужском кладбище Лаврентьевского монастыря.

Во время болезни Лебедева Смоленским ополчением командовал генерал-майор Петр Петрович *Пассек* (1775–1820), дворянин Ельнинского уезда. В 1812 г. он из отставки вернулся на службу, был зачислен по армии и состоял при Смоленском ополчении.

А последним начальником ополчения, уже, собственно, мирного, стал генерал-майор Семен Степанович *Вистицкий* (1764–1836). Его трудами и заботами ратники пережили трудную послевоенную зиму и более или менее обустроились на пепелищах. Его же стараниями с наступлением весны Смоленское ополчение было *реорганизовано* по образцу других ополчений Отечественной войны 1812 года. Смоляне расстались со своими традиционными пятисотнями. (Об этом факте мне не встречалось упоминаний в литературе.) Основной целью реорганизации, надо полагать, было стремление укрепить воинскую дисциплину среди ополченцев, ослабевшую в результате послевоенной психологической разрядки.

Когда русские войска уже заняли Гамбург, очистили от французов правобережье Эльбы и когда еще был жив Кутузов, генерал Вистицкий в своем рапорте на имя Управляющего Военным министерством генерал-лейтенанта князя Алексея Ивановича Горчакова 27 марта 1813 г. писал: “Имею честь донести, что предписал я всем тысячным начальникам разделить каждое уездное ополчение, сколько в котором теперь имеется в наличии воинов, в два БАТАЛЬОНА, каждый батальон в четыре роты или сотни, назначить батальонных из

пяти сотенных, а ротных из сотенных командирами и заниматься в образовании воинов, научая их действовать оружием, какое и сколько при котором имеется, ходить ровно и прямо в ширингах, фрунтом, составлять из одного по разным направлениям колонны, а из них выстраиваться скоро в боевой порядок во всякую сторону, куда надобность востребует»^{xiii}.

Через три дня после того, как был отправлен этот рапорт, 30 марта, последовал Высочайший Указ о роспуске Смоленского и Московского ополчений. Правда, обнародован он был 18 апреля, а С. И. Лесли получил Указ лишь 22 апреля. Так что фактически Смоленское ополчение было распущено только в мае.

Особую гордость смолян в Царском Указе составили вот такие слова: "... Прежде всех составились Смоленское и Московское ополчения. Они первые встретили неприятеля и мужественным сопротивлением и многократными с ним битвами оказали усердие свое и заслуги. ... Освобождая Смоленское и Московское ополчения от пребывания на службе, повелеваем Мы, изъявляя к ним Монаршее Наше благоволение и признательность, распустить оные по домам..."^{xiv}

Точности ради заметим, что не все ратники поспели на свои нивы к началу полевых работ (и эта деталь также не вошла в научный оборот). Всемогуший Аракчеев, видимо, счел возможным *уточнить* Указ Императора.

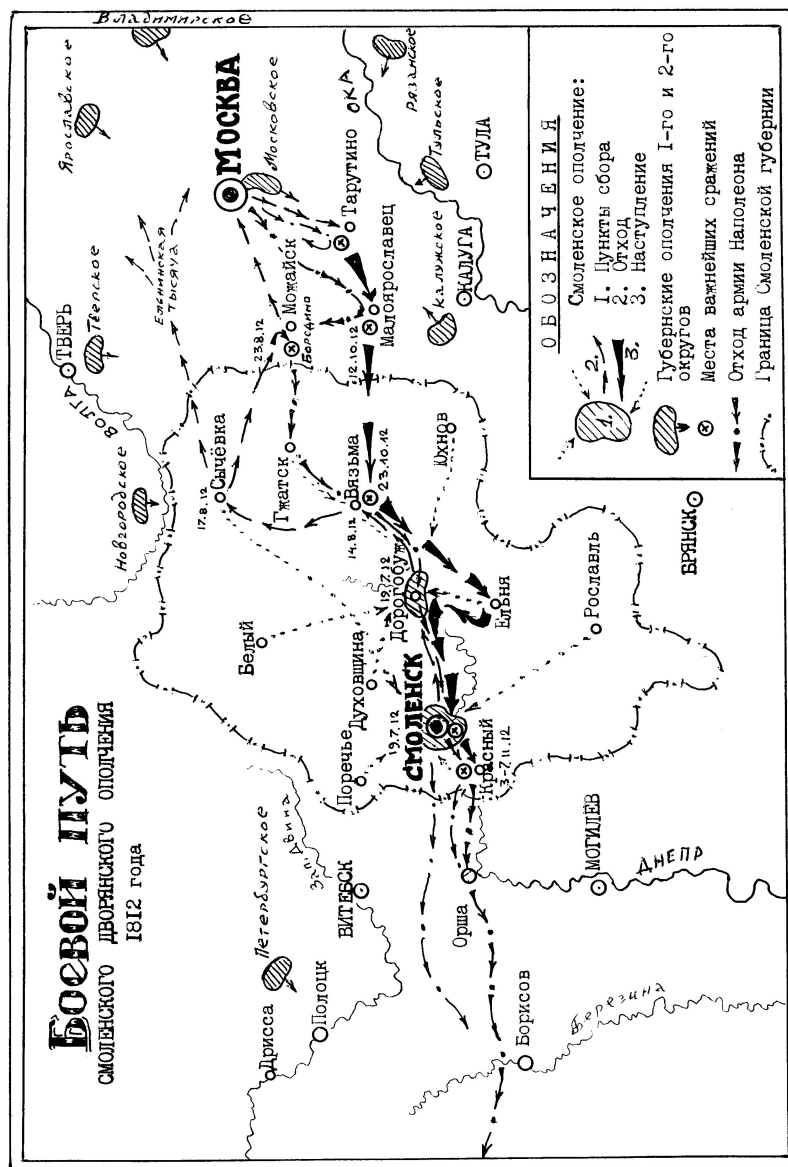
В Военно-историческом архиве хранится Директива Управления Главного штаба всех армий № 3002 от 26 июля 1813 г.^{xv}

В Директиве, в частности, сказано: "По Высочайшей воле Государя Императора, изображенной в Записках Генерала от Артиллерии Графа Аракчеева мая 29 числа, воины в полках при армиях Заграничных состоящие не должны быть распускаемы по домам до прекращения войны; а потому и должно руководствоваться Его последнею Высочайшею волею; если же оные не при полках, но составляют особые отделения из ополчений Московского и Смоленского, то отправить при их офицерах".

В том же архивном деле вместе с длинным списком Московских заграничных ополченцев, возвращаемых на Родину, сохранился список и тринадцати ратников-смолян, находившихся в корпусе барона Винценгероде. Им предписывалось через Берлин и Познань следовать в Смоленск.

Благополучно закончив войну, “ходил ровно и прямо в ширингах” полуротный Рославльского батальона Иван Степанов сын Рыков. Его потомки позже доказали свое древнее дворянство и Указом Правительствующего Сената № 4739 23 июля 1857 г. были утверждены в этом достоинстве. А его двоюродный брат, мой прапрадед, коллежский регистратор Василий Федоров сын Рыков, оставив сиротой сына Ивана, кадета Морского корпуса “наполеонов ского” набора, будущего флота генерал–лейтенанта и зачинателя морской династии Рыковых, домой с войны не вернулся ...

Боевой путь
СМОЛЕНСКОГО ДВОРЯНСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ
1812 года

Примечания

- ⁱ *Вороновский В.М.* Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912, с.238.
- ⁱⁱ Там же, с.240.
- ⁱⁱⁱ Там же, с.242.
- ^{iv} Российский архив. Т.VII. М., 1996, с. 118.
- ^v *Лесли И.П.* Смоленское дворянское ополчение 1812 года. Смоленск, 1912.
- ^{vi} *Бабкин В.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962.
- ^{vii} Чтения в императорском о-ве истории и древностей российских. 1858. Кн.4, с.24.
- ^{viii} *Васильев А., Елисеев А.* Русские соединенные армии при Бородине. М., 1997, с.55.
- ^{ix} *Бабкин В.* Указ.соч., с.126.
- ^x РГВИА. Ф.395, оп.311, д.51, л.29.
- ^{xi} Сегюр Ф. Поход в Москву в 1812 году. М., 1911, с. 99.
- ^{xii} По Высочайшему повелению до возвращения барона Аша (4 декабря 1812 г.) управлял Смоленской губернией на правах сенатора Калужский гражданский губернатор П.Н.Каверин.
- ^{xiii} РГВИА. Ф.395, оп.311, д.51, л.2.
- ^{xiv} *Вороновский В.М.* Указ.соч., с. 383.
- ^{xv} РГВИА. Ф.103, оп. 208–г, св.2, д.7, ч.6.